
КОНЦЕПЦИЯ РЕАЛЬНОСТИ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ПСИХИЧЕСКИХ РАССТРОЙСТВ ЛИЧНОСТИ

ЭРИК МИКАЕЛЯН

Каждый из нас реализует задачи своей жизнедеятельности в границах собственной концепции реальности. Концепция реальности, которая была насильственно внедрена в нас нашим социальным окружением, формирует в конечном итоге наше психосоматическое здоровье, а в целом – судьбу. Понятие *судьба* достаточно эмпирично. Здесь не надо строить различные мистические концепции. Родившись, ребенок не обладает свободой выбора. Всякий раз, когда мы оказываемся в ситуации отсутствия выбора, мы подчиняемся концепции реальности, придуманной для нас и вместо нас. Всякое знание, которое мы усваиваем в результате воспитания, не свободно, так как у нас не было альтернативы. Свободен тот, кто имеет свободу выбора и пользуется ею. Именно в этих границах, в психологическом континууме свободы выбора, человек может и обязан нести ответственность за свою жизнь. И в этом контексте можно вполне обоснованно утверждать, что психические расстройства личности являются следствием отсутствия ответственности за свою жизнь, следствием принятия чужой концепции реальности. Если поведение человека пересекает границы социальной реальности, он испытывает вину и угрызения совести. Таким образом, психические расстройства личности непосредственно обусловлены ее концепцией реальности, навязчивым характером этой концепции. Речь не о банальной психоаналитической теории формирования неврозов. Мы говорим о концепции реальности и проблеме свободы выбора и не хотим сводить многообразную мозаику психической жизни человека к его сексуальному инстинкту. Христианская культура мышления свободна от соблазна свести психическую жизнь к манифестациям либидо. Концепция реальности мифического сознания предполагает одновременное существование духовного и физического времени, воздействие духовного на физическое, приоритет духовного мира. Концепция же реальности для Я-сознания предполагает приоритет физического мира, считает, что духовность является абстрактной категорией, в лучшем случае способной вносить свою лепту в моральное развитие личности. Концепция реальности закономерно формирует наш социальный мир с его нормами и законами, устанавливает границы познания, конкретизирует или ограничивает рамками конкретной научной парадигмы мировоззрение и психическое развитие личности и общества. Нормы и модели социальной жизни представляют собой ту же самую ритуальность, просто в иной социальной реальности. Ритуальность

играет роль мощной защитной функции и прежде всего ограждает человека от непрогнозируемого бессознательного воздействия.

Христианство, впрочем, как и другие религии, возвело ритуальность в закон как способ оградить человека от воздействия «злых сил». В невротической навязчивости мы видим тот же ритуал, автором которого является бессознательное. Человек подчиняется ритуалу бессознательного, при этом испытывает мучения, так как не его сознание создает эту защитную стратегию; само сознание не может понять, от чего его пытается уберечь бессознательное. Поэтому человек часто в ситуациях навязчивости прибегает к церкви, становится набожным; он гоняется за ритуалами, он стремится выполнять их, тем самым пытаясь вновь адаптироваться к своей социальной концепции реальности. Однако он прибегает к помощи всеобщего, мифического, а значит, бессознательного уровня психики, между тем его проблема носит личностный характер. Поэтому выходом из навязчивого круга может стать создание собственного ритуала, направленность и содержание которого будут личностно и социально безопасными. Современный человек так или иначе осуществляет в своей жизни некий ритуал, то, что мы называем жизненным сценарием. Если в силу тех или иных причин нарушается сценарий нашей жизни, то мы оказываемся в ситуации разрыва психологической последовательности, так называемой ритуальности. В этом контексте чрезвычайно важно сформировать для себя новый жизненный сценарий, новую ритуальность. Только в этом случае человек избежит психического дискомфорта. Не исключено, что психические проблемы начинаются тогда, когда человек в новых условиях не может создать для себя новый жизненный сценарий. Новыми условиями могут быть самые незначительные перемены. Кроме того, каждый возрастной период вызывает необходимость сформировать новый жизненный сценарий. Неспособность создать сценарий, адекватный изменившимся условиям жизнедеятельности личности, как правило, вызывает психические страдания. Следствием этой способности становится уход личности в мифическую ритуальность; человек вносит в свою жизнь элементы веры, пытается заглушить страдания, обращаясь к мифическому пласту психики, к коллективному бессознательному. Говоря иначе, как только Я-сознание оказывается не в состоянии решать психические проблемы, оно уступает поле адаптации бессознательному уровню психики, активизирующему мифическую ритуальность, которую в границах Я-сознания мы называем навязчивыми состояниями личности. Древний мифический способ коллективного мышления, имеющий целью постигнуть мир, установить связи с духовными и божественными сущностями в границах Я-сознания, оборачивается невротической навязчивостью. Способ познания коллективного мышления становится психическим расстройством Я-сознания. Страдания возникают вследствие того, что бессознательный, мифический пласт психики и уровень Я-сознания не могут быть одновременно совместимы в психической активности личности. Коллективная психика исходит из бессознательного

времени, отсутствия времени, а индивидуальная психика должна функционировать в конкретном линейном времени. Их несовместимость и порождает страдания. Это конфликт личного и коллективного в единой психике человека. Это ситуация, когда коллективная психика возвращает нас в древность, а индивидуальная психика протестует, так как не умеет функционировать в коллективном времени

«Еще на заре человечества существовал обычай ограждать себя от произвольных и незаконных воздействий "сверхъестественного" с помощью определенных ритуалов и законов. Этот процесс развивался в истории путем умножения ритуалов, инструкций и вероучений. Последние два тысячелетия такой институт как христианская церковь принял на себя посредническую и защитную функции, встав между этими воздействиями и человеком»¹. Концепция реальности представляет собой некий *consensus gentium* (соглашение между людьми), когда большинство общества разделяет социальные нормы взаимодействия, принимает определенную конфессию и традиционные модели поведения, что также может быть определено в качестве ритуальности. Это своего рода социальная религия. Все нормы поведения, принимаемые большинством, считаются объективно приемлемыми. Проблема различных концепций реальности есть проблема различного понимания психики. Это проблема реальности психики. Если для мифического сознания реальность психики не вызывает сомнений, то современная медицина сводит психику к деятельности головного мозга. «Только реальность психики не там, где ее ищут по близорукости: психика существует, но не в физической форме. Смехотворным предрассудком выглядит мнение о том, будто существование может быть только физическим. На деле же единственная непосредственно нам известная форма существования – это психическая форма»².

Современные научные споры о реальности психического, по сути, отражают историю цивилизации; древний мир отводил именно психическому статус реальности. Между тем физический мир являлся древнему индийцу или египтянину миром майи, иллюзорной действительности. Это понимание сегодня воспроизводится в монотеистических религиях. Научная парадигма, навязанная материалистическим мировоззрением, отводила психике роль служанки мозговых процессов. С реальностью психики мы сталкиваемся особенно остро при неврозах. «Мы заблуждаемся, когда забываем эту простую, но фундаментальную истину. Даже если у невроза нет иной причины, кроме воображения, она остается вполне реальной. Если некто вообразит, что я его смертельный враг и убьет меня, то я стану жертвой простого воображения. Образы, созданные воображением, существуют, они могут быть столь же реальными – а в равной степени столь же вредоносными и опасными, – как физические обстоятельства»³. Существо-

---

¹ Юнг К. Г. Архетип и символ. М., 1991, с. 130.

² Там же, с. 131.

³ Там же, с. 130.

вание психики, реальность психики обусловлены самой психикой, наша психика – самодостаточный феномен.

«Хотя своим собственным сознанием нам не дано уловить форму существования психики (ибо у нас нет для этого архимедовой точки опоры вовне), психика существует; более того, она-то и есть само существование»⁴. Наша концепция реальности формирует или, выражаясь не столь радикально, влияет на течение наших психосоматических процессов. До тех пор, пока человек не сталкивается с психическими страданиями, он отводит психике философский статус. Но, сталкиваясь с неврозом или иным психическим расстройством, этот философский статус мгновенно трансформируется в реально существующий организм. Тем не менее, даже тогда человек мыслит в материалистической парадигме – пытается найти физиологические или мозговые субстраты собственных страданий. Отношение к психическим заболеваниям до сих пор носит отпечаток страха. Мы опасаемся встреч с психическим больным, и основная причина наших страхов в том, что его поведение непонятно и непредсказуемо, не вписывается в границы нашей с вами концепции реальности. Отношение к психике отражает процесс эволюции человека. Древний мир наделял психику статусом реальности, современный мир – статусом абстракции. Оба эти подхода имеют место у современного человека. Вопрос в том, что мы сегодня считаем предрассудком, а что считалось таковым на заре эволюции. «Предрассудок, согласно которому психика невообразима, а потому ничтожнее дуновения ветра, либо уверенность в том, что она представляет собой некую философскую систему логических понятий, – этот предрассудок столь силен, что люди, не осознавая определенное содержание своей психики, считают его несуществующим»⁵.

Отношение к психике во многом обусловлено тем, считаем ли мы себя ответственными за наши психические состояния, или же наши психические состояния вызываются неведомыми нами силами. Являемся ли мы хозяевами в собственном доме, или нами руководят иные, мистические или судьбоносные силы – вот проблема, с которой сталкивается каждый из нас. Если мы сами формируем наши психические состояния, значит, мы ответственны за развитие наших психопатологических черт, за наши расстройства. Тогда встает вопрос: с какой целью мы развиваем в себе заболевания? И тут уже мы волей-неволей приходим к психодинамическим концепциям психической деятельности. Если же мы приписываем причины развития расстройств внешней среде, то мы, строго говоря, возвращаемся к коллективному сознанию древности, с одной лишь разницей – вместо демонов и привидений мы апеллируем к социальному окружению, к «социальной магии». «Но когда речь заходит о психике, мы тотчас чувствуем некую ответственность, словно сами являемся творцами нашего психического состояния. Предрассудок этот относительно недавний. Еще не

---

⁴ Там же, с. 130.

⁵ Там же, с. 131.

так давно даже высококультурные люди верили в то, что психические силы могут воздействовать на наш ум и чувства. Такими силами считались привидения, колдуны и ведьмы, демоны и ангелы, даже боги, которые могли произвести в человеке психологические изменения»⁶. Место богов и привидений сегодня занимает социальный мир с его концепцией реальности, социальными демонами и привидениями. Вопрос о границах ответственности за наши психические состояния разрешается в современной психологии довольно примитивно – всё, что находится в пределах нашего сознания, мы считаем доступным, всё это мы способны контролировать и, следовательно, нести за это ответственность. А всё, что выходит за эти границы, нам не подвластно. Поэтому психические расстройства не могут контролироваться сознанием человека, они формируются на не тождественном сознанию уровне психики, на уровне бессознательного. И задача психотерапии, следовательно, состоит в том, чтобы перевести на уровень сознания то, что находилось прежде на бессознательном уровне. В этом психодинамическом контексте осознание равно терапии.

При этом, конечно же, остается открытым вопрос о смысле и цели формирования психических расстройств. Здесь мы накопили массу моделей интерпретации и понимания целей и назначения психических расстройств. Каждая из этих моделей необходима и недостаточна. Все, что формируется на уровне бессознательного психического, так или иначе противопоставляется сознательному уровню психики, а всякое противопоставление ущербно, так как мы при этом теряем целостный подход к психике. Противопоставляя друг другу два уровня психики, мы тем самым предполагаем наличие конфликта между ними. Всякое противопоставление несет в себе идею конфликта, осознанного или бессознательного, реализованного или потенциального. Выходом из этой тупиковой ситуации становится принятие другой идеи – взаимообусловленности двух противопоставляемых (а не противоположных) уровней психики. Невроз – всегда конфликт, сформированный этим противопоставлением, несовместимостью двух картин реальности. Мы часто, на уровне обыденной жизни, говорим о человеке с психическими проблемами, что он не в ладах с самим собой. Это значит, что с самим собой человек находится в состоянии конфликта, мы фиксируем здесь внутриличностный конфликт. Это и означает не быть хозяином в собственном доме. Просто потому, что человек не знает своего дома. Мы узнаем о нашей психике, когда у нас появляются проблемы, точно так же о расположении внутренних органов человек часто узнает вследствие болезни.

Развитие болезни – это всегда нарушение гармонии. «Болезнь – это отсутствие гармонии, сбой в ранее установленном, хорошо сбалансированном порядке»⁷. Болезнь – это отсутствие целостности (отсюда и понятие исцелить), следствие противопоставления и конфронтации между соз-

---

⁶ Там же, с. 130.

⁷ Дальке Р., Деглефсен Т. Болезнь как путь. М., 2004, с. 9.

нательным и бессознательным уровнями психики. Образно говоря, это конфронтация поколений, предков и потомков, коллективного и индивидуального, мифического и исторического. Мифическое сознание не подвластно времени, историческое сознание существует благодаря последовательности времени. В мифическом сознании реален и потусторонний мир, для исторического же сознания статус реальности закреплен лишь за посюсторонним миром. Это в конечном итоге проблема реальности, проблема того, где пролегают ее границы. Концепция реальности обладает ценностью в той мере, в какой в нее вкладываются личностный смысл и значение. Чем больше личностного смысла приписывается концепции реальности, тем более эта концепция наделяется для нас психологической ценностью. Мир существует постольку, поскольку мы в него верим. Даже дистанцируясь от субъективизма, мы в нашей психике наделяем реальность ценностью в той мере, в какой верим в нее. Если для древнего сознания ритуальные действия, магические операции являлись сакральной ценностью, то это, в первую очередь, означало, что древний человек в них верил. Реальность потустороннего мира не вызывала сомнений, духи, демоны и божества были настолько же реальны, как окружающая природа, более того, за каждым деревом древнее сознание видело его космический образ.

Для религиозного сознания реальность божественного также не оспаривается. С тех пор, как боги сошли на землю, они трансформировались в нашей психике в мифическое сознание. Ритуалы и обряды, совершавшиеся древними, воспринимались как требование божественных сил. Боги в психике человека манифестировали себя в ритуалах и обрядах. Эти священнодействия нацеливались против несчастий, которые несли злые силы. Разве современный человек, страдающий психическим расстройством, не задает себе вопрос – за что мне это? Он специально ходит в церковь, чтобы вновь обрести милость божественного начала. Навязчивые действия и мысли обладают на бессознательном уровне значением нормы, это ритуальные действия. Для сознания они однозначно патологичны, так как не вписываются в границы реальности, в границы нормы. Если предположить, что в патогенезе расстройств навязчивого круга на уровне психики имеет место конфронтация культур, то мы тем самым признаем целостный подход в понимании его эволюции. Проблему патогенеза психических расстройств можно также рассмотреть в контексте зависимости/независимости нашего Я-сознания. Как правило, при патологическом изменении психической деятельности у пациента формируется убеждение, что его страдания не зависят от его воли и желаний. С точки зрения обыденного сознания оно довольно логично. Страдания наступают независимо от желаний личности. С другой стороны, это утверждение совершенно алогично: если у человека появились психические страдания, значит, они вызваны его же психикой; вопрос лишь в том, что он этого не осознает. Мы отводим нашему бессознательному автономную роль. В нашем доме два хозяина.

«Впечатление такое, что этот комплекс представляет собой автономное существо, способное вмешиваться в намерения Эго. Комплексы в самом деле ведут себя словно вторичные или частичные личности, наделенные собственной психической жизнью»⁸. Эти автономные части психики (комплексы) отторгаются от контроля сознания, приобретают независимость. Как формируются эти комплексы? Классическое объяснение сводится к следующему: «Говоря о происхождении многих комплексов, надо отметить, что они просто отклонились от сознания – оно предпочло избавиться от них путем вытеснения. Но среди них есть и другие, никогда ранее не входившие в сознание, а потому и не поддававшиеся прежде произвольному вытеснению. Они произрастают из бессознательного и вторгаются в сознание вместе со своими таинственными и недоступными влияниями и импульсами»⁹. Сформированные симптомы доставляют человеку страдания прежде всего потому, что разрушают концепции реальности, в данном случае – сценарий жизни. Однако появление симптомов чрезвычайно важно для психики событие; симптом указывает на необходимость обратиться к сценарию жизни, вносит позитивный элемент в нашу психическую и социальную деятельность.

К сожалению, современная медицина деперсонализирована, она не видит за симптомом человека. «С большой помпой, используя многочисленные технические приспособления, мы лечим органы и части тела, но не самого заболевшего человека. Мы стремимся, в конце концов, научиться предотвращать возникновение симптомов, не задаваясь вопросом, насколько это возможно и необходимо. С момента появления так называемой современной научной медицины количество больных не уменьшилось и на долю процента. Изменились только симптомы»¹⁰.

Как бы странно это ни звучало, часто пленниками психических симптомов становятся люди интеллектуальные – в необычной ситуации они принимают ту реальность, которую высмеивали всю жизнь. К. Г. Юнг пишет об интеллигентном пациенте, поверившем, что одержим злыми силами. «Несмотря на всю его культуру и интеллигентность, он стал беспомощной жертвой какой-то одержимости, оказавшись не способным противостать демонической силе болезнетворной идеи. Она росла в нем подобно настоящей опухоли. Однажды появившись, эта идея непоколебимо удерживалась в его сознании, отступая лишь изредка на короткое время»¹¹. В состояниях психических расстройств сознание начинает поддаваться натиску мифической картины реальности. Смысл не в причинении страданий, смысл в восстановлении целостности психической жизни, в расширении концепции реальности. Столкновение двух концепций реальности формирует психические страдания, но только таким путем становится возможным расширить сценарий жизни.

---

⁸ Юнг К. Г. Указ. соч., с. 130.

⁹ Там же, с. 130–131.

¹⁰ Дальке Р., Детлефсен Т. Указ соч., с. 12.

¹¹ Юнг К. Г. Указ. соч., с. 132.

ԷՐԻԿ ՄԻՔԱՅԵԼՅԱՆ – Իրականության հայեցակարգը որպես անձի հոգեկան խանգարումների ձևավորման գործոն – Մեր հոգեկան վիճակի նկատմամբ մեր իսկ վերաբերմունքը պայմանավորված է նրանով, թե այդ վիճակի համար ում ենք պատասխանատու համարում. ինքներս մե՞զ, թե՞ ինչ-ինչ արտաքին ուժերի: Յուրաքանչյուր մարդ ունի իրականության սեփական հայեցակարգը, որը ծրագրաում ու իրենով պայմանավորում է նրա հոգեբանական առողջության վիճակը:

ERIK MIKAYELYAN – *The Concept of Reality as a Factor for the Development of Mental Disorders.* – Our attitude towards our mental condition depends on the fact if we find ourselves responsible for our mental conditions or if we think that those conditions are caused by some unknown power. Everyone has a concept of reality programming our mental and physical health. In case of mental disorders one deals with a conflict of two different concepts of the reality, i.e. this conflict may cause mental disorders. This means mental health presumes overall perception of the reality concept.